

УДК 316.34/.35
ББК 60.54 – 456
Б 38

А.В. Бедрик,

кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, тел.: +79286196330, e-mail: abedrik@bk.ru

А.В. Сериков,

кандидат социологических наук, доцент, исполняющий обязанности директора Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, тел.: +79064222638, e-mail: aserikov@inbox.ru

КЛАССИЧЕСКИЕ ЕВРОПЕЙСКИЕ ДИАСПОРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ВОСПРОИЗВОДСТВА ИДЕНТИЧНОСТИ¹

(Рецензирована)

Аннотация. В статье исследованы особенности воспроизводства трех классических европейских диаспор Ростовской области (греки, немцы, поляки) в постсоветский период. В исторической ретроспективе проводится анализ трансформации демографической совокупности данных народов в регионе, указывается на миграционный, ассимиляционный, внешнеполитический и естественно-демографический факторы изменения численности этносов. Приводится описание конструктивных и инструменталистских социальных практик этнокультурного самосохранения общин.

Ключевые слова: диаспора, ассимиляция, депопуляция, миграция, историческая родина, этническая идентичность.

A.V. Bedrik,

Candidate of Sociology, Leading Researcher of Institute of Sociology and Regional Studies of Southern Federal University, Rostov-on-Don, ph.: +79286196330, e-mail: abedrik@bk.ru

A.V. Serikov,

Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Researches, acting as Director of Institute of Sociology and Regional Studies of Southern Federal University, Rostov-on-Don, ph. +7 (863) 2641755, e-mail: avserikov@sfedu.ru

CLASSICAL EUROPEAN DIASPORAS OF THE ROSTOV REGION: SOCIAL PRACTICES OF REPRODUCTION OF IDENTITY

Abstract. The paper examines features of reproduction of three European classical diasporas of the Rostov region (Greeks, Germans, Poles) during the Post-

¹ Статья выполнена в рамках проекта РГНФ № 16-33-00030 «Антропоток и этнические диаспоры: социальные практики взаимодействия, особенности коллективных идентичностей и национальная безопасность в странах со сложной этнокультурной структурой (Россия и Германия)».

Soviet period. An analysis is made of transformation of a demographic data set of the people in the region in a historical retrospective. Migratory, assimilatory, foreign policy and natural demographic factors of change of number of ethnoses are shown. The description is provided for constructive and instrumentalistic social practices of the ethnocultural self-preservation of communities.

Keywords: diaspora, assimilation, depopulation, migration, historical homeland, ethnic identity.

Термин «диаспора» имеет чрезвычайно широкое употребление в современном научном и общественно-политическом дискурсе. Однако далеко не каждое этническое сообщество может быть определено как диаспора. Под диаспорой следует понимать этнически однородное меньшинство, проживающее за пределами своей исторической родины или этнического ядра и характеризующееся групповой сплоченностью, которое воплощено в национально-культурные формы объединения [1; 61-62]. С этой точки зрения европейские народы, исторически населяющие Россию, безусловно, являются диаспорами. Учитывая многовековой опыт их присутствия, они характеризуются исследователями как классические или исторические диаспоры [2; 24] и имеют общероссийскую представленность, так как их представители проживают в подавляющем большинстве регионов России. К категории классических (исторических) диаспор из числа европейских народов в населении Ростовской области относятся три общины: немцы, греки и поляки. Все они имеют многовековую историю в регионе и устойчивые маркеры диаспорной идентичности: национальное государство (историческая родина), национальный язык и культуру, исторические отличия конфессиональной принадлежности. В пользу полноценного статуса данных трех общин как диаспор говорит и тот факт, что в регионе созданы и функционируют их национально-культурные объединения: Культурно-просветительное общество Донских и Приазовских греков «Танаис», Ростовская

региональная общественная организация «Общество российских немцев «Видергебурт Дон», Ростовская городская польская национально-культурная автономия «Полония Дона» и Ростовская городская общественная организация Национально-культурная автономия «Союз поляков Дона».

Формирование трех европейских диаспор имеет различную историческую природу. Немецкая диаспора в России формировалась как приглашенная диаспора, что изначально задавало высокий социальный статус и его восприятие в обществе. Источником формирования польской диаспоры исторически являлись переселения принудительного характера – ссылка участников польских восстаний XIX века, сочувствующих им поляков и членов их семей. Греческая диаспора имеет более древнюю историю, которую возводят к периоду греческой колонизации региона на рубеже старой и новой эры, но большинство современных греков – это потомки эмигрантов, беженцев XIX – начала XX вв. греков-христиан из Османской империи, проводившей в этот период репрессивную политику в отношении национальных и конфессиональных меньшинств на своей территории. Различия в факторах, обусловивших формирование и развитие диаспор европейских народов в регионе, были усугублены в советский период.

Хотя и немцы, и греки, и поляки выступили объектом репрессивной политики СССР, подверглись депортациям или принудительной ассимиляции, наиболее заметными эти процессы оказались в случае немецкой диаспоры [3; 23]. Пик

этнических репрессий в отношении немцев пришелся на период второй половины 1930-х – первую половину 1940-х гг. Довоенная численность немцев на территории Ростовской области составляла 32 968 человек (1939). За двадцать последующих лет она сократилась до 2111 человек (1959). Причинами массовой депопуляции немцев в регионе были и депортации 1940 года, и гибель населения в период Великой Отечественной войны, и эмиграция этнических немцев на завершающем этапе войны, последующая волна репрессий и т.д. Постсталинский период характеризовался изменениями в отношениях Советского государства и немецкой диаспоры, что было связано с развитием союзнических отношений СССР и ГДР. Это отразилось и на изменениях в численности немецкого населения Дона, возвратной миграции немцев из мест ссылки в регионе и т.д. В период 1950-1980-х гг. численность немцев постоянно прирастала: 4574 чел. (1970), 6454 чел. (1979), 7457 чел. (1989) [4].

В отличие от ситуации с немцами, в советский период не произошло заметного демографического изменения в состоянии польской и греческой общин. Довоенная численность поляков в регионе составляла 3949 чел. (1939) и в последующий период характеризовалась устойчивым сокращением: 3070 чел. (1959), 3009 чел. (1970), 2716 чел. (1979), 2315 чел. (1989). Однако основной причиной депопуляции являлся не миграционный, а ассимиляционный фактор. В отличие от поляков греческая община характеризовалась устойчивым приростом. Даже послевоенное сокращение численности греков не было существенным: 2029 греков – в 1939 году и 1940 греков – в 1959 году. В дальнейшем диаспора увеличивала свое присутствие в этнодемографической структуре населения региона: 2277 чел. (1970), 2492 чел. (1979), 2746 чел. (1989) [4].

Постсоветский период имел свои тренды в демографическом воспроизводстве немецкого, греческого и польского населения как России в целом, так и Ростовской области. В ситуации польской общины продолжился тренд сужения демографической совокупности диаспоры. В 2002 году численность поляков составила 1 781 чел., что на 23,1% меньше, чем в советский период, а в 2010 году поляки заняли 36 место в этнодемографической структуре населения Ростовской области, став последним этносом региона с численностью более 1000 человек. По результатам переписи их количество уменьшилось до 1074 человек. Депопуляционный тренд характеризовал и немецкую диаспору: за первый постсоветский межпереписной период ее численность сократилась на 8,3% и составила 6 840 человек. В дальнейшем сужение усилилось, и уже в следующий период численность немцев уменьшилась на 38,1%, составив 4 234 человека [4].

Сравнение причин польской и немецкой депопуляции позволяет выявить общие и особенные черты. Базовым отличием депопуляции немцев и поляков является превалирование эмиграционного фактора в первом случае и ассимиляционного фактора – во втором. Политика репатриации этнических немцев, проводимая Германией в 1990-х – начале 2000-х гг., стала одним из факторов сокращения численности данной этнической общности в общероссийском масштабе. Однако не следует отрицать влияние ассимиляционного воздействия на депопуляцию немецкой диаспоры: количество межэтнических браков велико как среди немцев, так и среди поляков. Эмиграция и ассимиляция усиливались за счет отрицательного естественного прироста немцев и поляков, что является общей чертой их воспроизводства, наряду с другими народами региона (русскими, украинцами, белорусами, евреями, народами финно-угорской группы).

Кроме того, анализ возрастной структуры немецкой и польской общины Дона дает неутешительные прогнозы о перспективах их демографического воспроизводства в будущем: в структуре диаспор преобладают люди старшего поколения.

В демографическом воспроизводстве греческой общины в первый постсоветский межпереписной период, в отличие от немцев и поляков, отмечался прирост численности на 12,9%. Греков в 2002 году на территории Ростовской области проживало 3 154 чел. Однако за следующий межпереписной период их численность уменьшилась на 21,1% до 2487 чел. в 2010 году [4]. Такой демографический зигзаг объясняется несколькими причинами. Во-первых, первоначальный прирост был спровоцирован притоком в регион греков из республик Южного Кавказа периода распада СССР (прежде всего, из зоны грузино-абхазского конфликта), а также стрессовыми миграциями греков в составе интернациональных миграционных волн из республик Северного Кавказа (прежде всего, из Чечни). Во-вторых, в середине 1990-х – начале 2000-х гг. в Ростовской области наблюдался ренессанс греческой национальной идентичности. Актуализация греческого самосознания поддерживалась лидером общины донских и приазовских греков – крупным донским предпринимателем, политическим и общественным деятелем И.И. Саввиди, и фактически имела элиталистски-инструменталистскую природу. Это выразилось в том, что быть греком стало престижно, так как маркерами идентификации выступали и древнегреческая история, культура, мифология, и статус Греции как европейской страны с богатым рекреационным потенциалом, и принадлежность лидеров общины к категории региональной элиты (в этот период заместителем губернатора Ростовской области был этнический грек Ю.Г. Андриади,

греки занимали высокие статусные позиции в системе высшего образования, медицине, культуре). Рост самосознания греков сопровождался усилением греческой конфессиональной идентичности, что привело к восстановлению греческого православного храма в г. Ростове-на-Дону в юрисдикции Русской православной церкви. Одновременно усилилась репатриация греков на территорию Греции и Кипра, развивался челночный бизнес. Экономическая эмиграция греков в сочетании с отрицательным естественным приростом, ассимиляцией и депопуляризацией национального самосознания привели к столь значительному сокращению греческого представительства в этнодемографической структуре населения Ростовской области [5; 111].

Следует отметить инструменталистский подход к этнической идентификации представителей классических европейских диаспор Ростовской области, что было выявлено в ходе социологического опроса членов диаспор в октябре 2016 года. Инструментализм заключается в том, что значительная часть общины (прежде всего, молодежь) использует свою этническую идентичность и вовлеченность в деятельность официальных диаспорных структур как канал социальной и миграционной мобильности [6; 29]. Так, в случае с донскими поляками 34% опрошенных респондентов отметили, что рассчитывают при помощи общины, ее социального капитала получить карту поляка – документ, подтверждающий принадлежность лица к польскому народу. Получить соответствующий документ может только человек, документально подтвердивший наличие в прямом восходящем родстве поляка или обладателя польского гражданства (отец, мать, бабушка, дедушка либо двое из прабабушек или прадедушек). Но в случае отсутствия таких подтверждений достаточно предоставления письменной

справки от польской организации, отмечающей активное участие человека в ее деятельности, содействие распространению польского языка и культуры, развитию польского национального меньшинства в течение, по крайней мере, последних трех лет. Обладающий картой поляка получает следующие преференции: бесплатно получать долгосрочную многократную польскую визу без представления дополнительных документов (приглашение, разрешение на работу и т.д.); легально работать на территории Польши без получения специального разрешения на работу; заниматься на территории Польши предпринимательской деятельностью на тех же основаниях, что и граждане Польши; пользоваться на территории Польши бесплатной системой образования на тех же основаниях, что и граждане Польши и др. [7; 134]. Аналогичные инструменталистские мотивы демонстрируют и часть донских немцев, и донских греков, для которых принадлежность к диаспоре – не только результат этнического самосознания, но и перспективный инструмент воспользоваться программами репатриации, гостевого посещения Польши, Германии или Греции, получения двойного гражданства (особенно характерно для греков). Как отметил в ходе опроса один из лидеров диаспоры: «Без подобного рода инструментов общины превратятся в клубы этнической и языковой ностальгии представителей пожилого возраста».

При этом национально-культурные объединения всех европейских диаспор региона отмечают для себя важнейшей функцией не только поддержание, развитие и укрепление духовной культуры своего народа, культивирование национальных традиций и обычаев, сохранение родного языка, но и развитие многосторонних связей с исторической родиной. Именно язык является ретранслятором национальной культуры, и утрата его

сказывается на духовной сфере этнического сообщества, то есть на его обычаях, традициях, самосознании. Совокупность данных направлений деятельности является гарантом национального самосохранения и снижения интенсивности ассимиляционных процессов. Он особенно характерен для европейских диаспор, так как между национальными меньшинствами и основным этносом не наблюдается серьезная культурная или социальная дистанция. Факторами «тающей» идентичности донских немцев, поляков и греков выступают как отсутствие внешних (расовых) маркеров дифференциации, так и близость социальных и культурных практик поведения, что обусловлено модернизированным состоянием этнических общин и создает благоприятную среду для межэтнической консолидации и отказа от собственной этнической идентичности. Кроме того, произошедший в советское время отказ государства от религиозного регулирования института семьи и брака, политика государственной секуляризации общественной жизни и атеизации сознания спровоцировали распространение межнациональных браков культурно близких друг другу народов: русских, украинцев, казаков, немцев, поляков, греков, мордвы, молдаван, марийцев, удмуртов, евреев и т.д. В таких браках дети, зачастую провоцируемые самими родителями, предпочитали выбор идентичности более крупного или титульного этноса. Даже сегодня в России и на Дону польские, немецкие и греческие фамилии более распространены, чем численность самих представителей данных сообществ.

Еще одним фактором, который препятствовал и препятствует сохранению идентичности европейских диаспор, является международный фактор. Так, в постсталинский советский период не существовало возможностей

национально-культурного самоопределения европейских диаспор. Государство вело политику формирования общности советских людей, в которой право на безусловное существование и поддержку государства имели только титульные народы союзных республик и других национально-территориальных автономий. В настоящее время диаспорный вопрос трансформировался в проблему геополитической идентичности [8; 139]. То есть на уровне массового общественного мнения этносы воспринимаются как субъекты политики, и если отношения государства осложнены с исторической родиной диаспоры, то публичная демонстрация своей этничности может восприниматься неоднозначно [9; 15]. Данный феномен сегодня особенно остро наблюдается на примере украинцев [10; 67]. Но и европейские диаспоры тоже выступают заложниками международных противоречий между государством гражданской принадлежности и исторической родиной. В этой связи функция диаспоры как раз и должна состоять в отделении геополитической идентичности от этнокультурной. В этой связи диаспора может и должна выступать институтом общественной дипломатии.

В данном направлении в донском регионе Министерством общего и профессионального образования Ростовской области под эгидой Общероссийского народного фронта совместно с национально-культурными объединениями региона осуществляется проект «150 культур Дона», в котором участвуют 153 средние школы. Каждая школа в течение всего года изучает язык и культуру определенного этноса, населяющего регион, знакомится с его традициями, обычаями, национальной кухней, фольклором, костюмом, танцевальной и спортивной культурой. Особую популярность среди руководства общеобразовательных учреждений

и родителей обучающихся имели культуры именно европейских диаспор. Первоначально в проекте было 13 школ, специализирующихся на немецкой, польской или греческой культурах, но в ходе его реализации их количество увеличилось до 25, что стало результатом инициативы самих школ. Это свидетельствует о весьма высоких статусных позициях немецкой, греческой и польской культур в современном российском обществе. Сами диаспоры демонстрируют изначальный интерес к идеям этнокультурного просвещения и используют мероприятия проекта как ресурс для конструирования положительного имиджа диаспоры в обществе. По мнению лидеров диаспор, продвижение проекта, его информационное сопровождение в состоянии привлечь латентных членов общины к ее деятельности, актуализировать их историческую память и идентичность, не нанося ущерб, не выступая конкурентом их гражданской идентичности.

Для европейских диаспор Дона характерна полисубъектная модель взаимодействия. Во-первых, субъектом выступают сами представители общины (как с актуальным уровнем этнической идентичности, так и с латентным). В этом случае диаспора должна стать катализатором этнической памяти, предложить побудительные мотивы развития национального самосознания. Во-вторых, субъектом выступает Российское государство, для которого диаспора и ее лидер – это неотъемлемые субъекты национальной политики, ответственные за формирование гражданской идентичности и сохранение национальной культуры. В-третьих, историческая родина (Германия/Австрия, Польша, Греция/Кипр) как основной объект идентификации и историческая родина предков. В случае с польской диаспорой самостоятельным субъектом выступают институты Римской католической церкви в России, так

как польская идентичность по своей природе в нашей стране является этноконфессиональной: объединяет национальный и религиозный компоненты. Сам факт отождествления религиозных католических институтов с польскими, что выражается в употреблении терминов «костел», «ксендз» в отношении всей католической общины России, свидетельствует в пользу этноконфессиональности диаспоры. Но это одновременно и проблема, так как многие поляки перешли в православие, а другие характеризуются религиозной индифферентностью. Для греков и немцев конфессиональный компонент национального самосознания не выражен, так как большинство донских немцев и греков – православные. В Ростовской области отсутствуют официальные структуры лютеранских деноминаций в силу крайне низкой распространенности данной религии, носителями которой традиционно являлись немцы.

Современное развитие европейских диаспор в регионе сталкивается с рядом других проблем. Во-первых, диаспора многими ее членами воспринимается не как институт гражданского общества, а как организация этнического предпринимательства. Это заключается, прежде всего, в иждивенческих настроениях членов диаспоры как к государству своей гражданской принадлежности, так и к исторической родине. И в одном, и в другом случае значительная доля активных членов диаспоры считает, что финансирование деятельности национальных школ, курсов родного языка, проведение национальных праздников и т.д. должно финансироваться за счет государственной поддержки (более трети респондентов). Во-вторых, в отношениях диаспоры и региональных властей происходит недоучет принципиальных целей Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года,

а именно: упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа России. Большинство мероприятий, инициируемых донскими властями и имеющих этнокультурную направленность, носят формальный характер, служат поводом для публичной демонстрации поликультурной мозаики населения и вовлекают крайне узкую часть донского сообщества. Отсутствие системного подхода по этнокультурному просвещению всего населения является одной из причин актуальности различного рода этнофобий в регионе и появления новых (например, украинофобии), негативного отношения к народу через призму отношений между государствами. В-третьих, имеет место персонификация деятельности диаспор. Так, развитие греческой диаспоры было во многом обусловлено успешностью и медийностью их лидера (И. Саввиди). Личность лидера может стать как фактором консолидации общины и ее позитивного восприятия окружением, так и наоборот. Например, в 2012 году произошел раскол польской национально-культурной автономии Дона вследствие разногласий на уровне ее руководства.

Таким образом, воспроизводство классических европейских диаспор в южнороссийском регионе связано с рядом трудностей объективного и субъективного свойства. Объективные трудности – это сужение демографической совокупности народов как за счет общего тренда на отрицательное естественное воспроизводство, так и за счет миграции, старения, ассимиляции. Субъективные трудности – это проблемы актуализации этнической идентичности в среде латентных немцев, поляков и греков, которые помнят о своем происхождении, но в силу разных причин с осторожностью относятся к институту диаспоры и его деятельности. Использование

именно этого латентного компонента – приоритетная задача развития национально-культурных объединений, условие их самосохранения. Учитывая сложности внешней и внутренней среды жизнедеятельности европейских общин (например, получение финансирования

или иной поддержки от государства материнского этноса) актуализация этничности должна осуществляться через культурные и социальные механизмы, а деятельность национально-культурных объединений должна быть деполитизирована и декоммерциализирована.

Примечания:

1. Бедрик А.В., Стукалова Д.Н., Терещенко А.А. Социально-правовой статус диаспоры в современном российском обществе: региональный ракурс // Гуманитарий Юга России. 2016. № 4. С. 61-71.

2. Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (Северо-Кавказский регион). Ростов н/Д; Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2002.

3. Ерохина О. Немецкое население Донского края до 1917 года: русские или иностранцы? // Диаспоры. 2010. № 2. С. 22-37.

4. Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. URL: <http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=0> (дата обращения: 15.11.2016).

5. Диаспоры и землячества: опыт регионального измерения: сб. ст. / под ред. А.В. Дмитриева. М.: РУСАЙНС, 2016. 226 с.

6. Селицкий А.И. Поляки на Кубани: исторические очерки. Краснодар: КубГУ, 2008. 176 с.

7. Шибаева Е.И. Поляки и русские в общественно-политической жизни Литвы // Политические процессы в новых независимых государствах: материалы круглого стола // Вестник научной информации Отделения международных экономических и политических исследований ИЭ РАН. М., 2011. № 2. С. 133-137.

8. Жаде З.А. Геополитика и идентичность: пересечение предметных полей исследований // Власть. 2013. № 12. С. 137-142.

9. Полоскова Т.В. Современные диаспоры: внутриполитические и международные аспекты. М.: Науч. кн., 2002. 284 с.

10. Лубский А.В., Бедрик А.В., Сериков А.В. Социальный институт диаспоры в контексте обеспечения национальной безопасности России // Гуманитарий Юга России. 2016. № 5. С. 63-73.

References:

1. Bedrik A.V., Stukalova D.N., Tereshchenko A.A. The social and legal status of the diaspora in the modern Russian society: a regional aspect // A humanitarian of the South of Russia. 2016. No. 4. P. 61-71.

2. Astvatsaturova M.A. Diasporas in the Russian Federation: formation and management (the North Caucasus region). Rostov-on-Don Pyatigorsk: SKAGS Publishing house, 2002.

3. Erokhina A. German population of the Don region before 1917: Russians or foreigners? // Diasporas. 2010. No. 2. P. 22-37.

4. Population Census of the Russian Empire, the USSR, 15 new independent states // Electronic resource. URL: [http://demoscope.ru/weekly/ssp/census. ? Php cy = 0](http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.?Php%20cy%3D0) (date of access: 15.11.2016).

5. Diasporas and communities: the experience of the regional dimension: coll. of art. / author's coll.; ed. by A.V. Dmitrieva. M.: RUSAYNS, 2016. 226 pp.

6. Selitsky A.I. Poles in the Kuban: historical essays. Krasnodar: Kuban State University, 2008. 176 pp.

7. Shibaeva E.I. Poles and Russians in social and political life of Lithuania // Political processes in the new independent states. Materials of the round table // Bulletin of the Scientific Information of the Department of International Economic and Political Studies, IE RAS. No. 2. M.: Institute of Economics of the RAS, 2011. P. 133-137.

8. Zhade Z.A. Geopolitics and identity: the intersection of subject fields of research // Vlast. 2013. No. 12. P. 137-142.

9. Poloskova T.V. Modern Diasporas: domestic and international aspects. M.: Nauchnaya kniga, 2002. 284 pp.

10. Lubsky A.V., Bedrik A.V., Serikov A.V. Social Institute of Diaspora in the context of ensuring national security of Russia // A humanitarian of the South of Russia. 2016. No. 5. P. 63-73.